

УДК 882

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОИСК В.П. АСТАФЬЕВА НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ

О.Ю. ЗОЛУТУХИНА

Сибирский государственный институт искусств имени
Дмитрия Хворостовского, 660049, Красноярск, Россий-
ская Федерация

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена исследованию религиозного поиска В.П. Астафьева, отразившегося в произведениях писателя конца XX – начала XXI вв. Прямой авторский голос, столь характерный для последних астафьевских художественных текстов, даёт основание подвести итог религиозному поиску писателя, отразившемуся в его творчестве. Анализ религиозного поиска В.П. Астафьева на последнем этапе его творческой работы позволяет автору сделать вывод о том, что осмысление жизни для писателя всегда было неразрывно связано с категориями, которые являются основополагающими в христианской религии: созидания, покаяния, милосердия, совести. Не приняв до конца православной Церкви, религиозных обрядов, но ощущая Бога посредством совести, В.П. Астафьев оказался духовно близок к истинному религиозному миропониманию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Астафьев, религиозный поиск, христианство, богооставленность, богоборчество, совесть, традиция преображения, христианские традиции, религиозная эволюция.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V.P. ASTAFYEV'S RELIGIOUS SEARCH AT THE LAST STAGE OF THE WRITER'S WORK

O.JU. ZOLOTUHINA

Dmitry Khvorostovsky Siberian State Academy of Arts,
Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

ABSTRACT. This article is devoted to the study of the religious search of V.P. Astafyev, reflected in the works of the writer of the late XX – early XXI centuries. The direct author's voice, so characteristic of the last Astafyev literary texts, gives reason to summarize the religious search of the writer, reflected in his work. The analysis of V.P. Astafyev's religious search at the last stage of his creative work allows the author to conclude that the comprehension of life for the writer has always been inextricably linked with the categories that are fundamental in the Christian religion: creation, repentance, mercy, conscience. Having not fully accepted the Orthodox Church and religious rites, but feeling God through conscience, V.P. Astafyev turned out to be spiritually close to the true religious understanding of the world.

KEYWORDS: Astafyev, religious search, Christianity, godforsakenness, theomachy, conscience, tradition of transfiguration, Christian traditions, religious evolution.

CONFLICT OF INTERESTS. The author declares the absence of conflict of interests.

90-е годы XX века стали для В.П. Астафьева, как и для всей страны, переломными и кризисными. Именно в это десятилетие становится наиболее очевидным религиозный поиск автора, во многом связанный с тем, что советская идеология, против которой Астафьев начинает активно бороться, терпит крах, в страну возвращается христианство, к которому в этот период обращаются очень многие бывшие советские граждане. Религиозный поиск стал и следствием преклонного возраста писателя, ощущения необходимости подвести определённые жизненные итоги, найти ответы на важные философские вопросы бытия.

В этот период В.П. Астафьев завершает наиболее значимые этапные произведения, которые он писал в течение почти всей своей творческой биографии. В 1994 г. полностью издаётся его роман «Прокляты и убиты», но ещё ранее, в 1991 году, он пишет заключительные главы «Последнего поклона» [12] и этим ставит точку в произведении, начатом им в 1957 году.

П.А. Гончаров отметил, что в заключительных главах «Последнего поклона» религиозные мотивы усиливаются. В этом русле писатель перерабатывает и ранее написанные главы, наполняя их «упованиями на Бога, молитвенным словом» [18, с. 140]. Действительно, наличие религиозных мотивов в новых главах, написанных в конце 80-х – начале 90-х годов, очевидно, и связаны они, в основном, с образом бабушки Катерины Петровны. Если в ранних рассказах для героя произведения религиозность бабушки иногда казалась просто кликушеством, то, взглянув на события своего детства сквозь прошедшие годы, в последнее десятилетие XX века писатель видит в этом только положительное. Стремясь ещё более подчеркнуть религиозность бабушки, он дополняет главу «Последний поклон» некоторыми фактами из её биографии и пишет о том, что бабушка когда-то ездила на моление в Киево-Печерскую лавру и ладан оттуда раздала всем верующим в их деревне.

Однако, помимо утверждения необходимости веры в Бога и других христианских идей, в заключительных главах «Последнего поклона» имеются богоборческие мотивы, мотивы разочарования

в жизни, которые противоречат христианскому миропониманию, что наиболее очевидно в главе «Вечерние раздумья», в которой автор, повествуя о прошедшей в селе коллективизации, очень негативно описывает тех, кто её проводил, подчёркивает тему Божьего наказания семьи самого яркого коммуниста Ганьки Болтухина, но при этом замечает, что на месте разрушенной церкви живёт «бывший руководитель районного масштаба, мелкий пакостник, ашаульник, ворюга, <...> осквернитель слова и дела Божьего» [12, с. 395], и никакого Божьего наказания ему за это нет. Данное замечание свидетельствует о непонимании писателем того, что в христианской религии именуется Божьим долготерпением. Преподобный Исидор Пелусиот утверждал, что долготерпение Божье призывает грешников к покаянию, и рано или поздно они все равно будут наказаны: «Не вопи на Божие долготерпение по причине благоденствия нечестивых, которые, оскорбляя добродетель и увенчивая порок, даже превозносятся тем. Напротив того, удивляйся сему долготерпению по причине безмерной благодати, призывающей их к покаянию» [26, с. 201]. Писатель явно желает справедливого возмездия для злодеев, что христианской системе ценностей не соответствует.

Тем не менее, в конце главы «Вечерние раздумья» очевиден мотив надежды. Называя себя безбожником, автор подчёркивает, что он все же надеется на чудо и на Бога и заканчивает книгу просьбой, обращённой к Богу, сохранить этот весьма несовершенный мир.

В 1994 г. В.П. Астафьев заканчивает вторую книгу романа «Прокляты и убиты», но к третьей книге так и не переходит. Вместо заключительной книги романа на основе её рукописи Астафьев пишет три повести о войне «Так хочется жить», «Обертон», «Весёлый солдат», в которых религиозные мотивы, идеи, образы, развивающиеся в романе, значительным образом трансформируются.

Тема Бога и религиозного поиска наиболее выражена в повести «Так хочется жить» [16]. На склоне лет Николай Иванович Хахалин, главный герой повести, который ещё в армии заявлял

одному из командиров, что он из крестьянской семьи, а значит верующий, съездил на остров Валаам и по-настоящему обратился к вере. Данный эпизод в жизни Хахалина появляется не случайно. В 1994 г. Астафьев сам посещает святые места, и это производит на него благотворное впечатление. Однако очевидно, что Николай Иванович, вероятно, как и сам автор, не приходит к вере окончательно. Причина незавершённой эволюции героя к христианству заключается в том, что он не может принять окружающую действительность, и борьба с нею для него становится важнее стяжания Святого Духа.

В повести подчёркивается, что главный герой критикует коммунистов, особенно Ленина, отмечает плохое отношение к ветеранам, порицает молодое поколение, за которое они воевали, а главное, ищет виноватых в том, что его жизнь сложилась не так, как бы он хотел: «...снова Николай Иванович задавал себе вопрос: отчего, почему не сложилась его жизнь, как бы он хотел её сложить или так, как назначил Создатель?» [16, с. 178]. Подобные вопросы противоречат христианскому миропониманию, так как по христианским канонам все происходит по воле Божьей, и не следует пытаться разгадать Божий промысел. Святитель Иоанн Златоуст утверждал: «Мы должны быть убеждены в одном только, что Богом все посылается для нашей пользы, а самого способа не исследовать и не роптать, и не унывать, когда не знаем его» [26, с. 457].

В повести «Обертон» [10] наиболее очевидными становятся богоборческие мотивы. Когда главный герой повести Сергей узнает о том, что колхоз «Победа» уничтожен, бывших немецких невольниц изнасиловали и убили, а семью директора сожгли, он не может понять, почему Бог допускает такое. Страдания Сергея соотносимы с бунтом Ивана Карамазова: как Иван не может верить в Бога и отказывается принять мир, в котором страдают все, в том числе и невинные дети, так и Сергей не может поверить, что Бог есть и допускает столько зла. Особенно Сергея поражает гибель маленького, ни в чём не повинного Вовки.

Религиозная проблематика в повести «Весёлый солдат» [2] развивается в том же направлении, что и в заключительных главах «Последнего поклона», и в повести «Так хочется жить». В некоторых эпизодах произведения утверждается необходимость

веры в Бога. В первой части повести автор отмечает набожность жены Анкундина Анкундинова Фёклы. Во второй части подчёркивается, что жена героя крещёная, тёща верующая, и сам он становится крестником сына друга. Христианская система ценностей противопоставляется жестокому отношению людей друг к другу. Однако помимо слабовыраженной попытки утверждения в повести необходимости христианских истин, в ней присутствуют мотивы, противоречащие христианской системе ценностей.

Доминирующей во второй части повести становится тема богооставленности, связанная с невозможностью для героя принять окружающую действительность. Оплакивая умершую дочку, жена героя замечает, что они не умеют молиться. Но у героя не возникает желание молиться, его охватывает отчаяние, посещают мысли о самоубийстве. О том, что Бог отвернулся от людей, говорит герою плачущий немец. Мотив богооставленности звучит и при описании трудностей, с которыми молодая семья строит новый дом, растит детей: «Я говорил и говорю, что Бог был за нас, все ещё бросал всевидящий взор и на нашу нескладную семью, но уже начинал уставать, потому как много нас, жаждущих его милостей, накопилось на русской земле» [2, с. 489].

Последнее десятилетие XX века стало очень сложным временем для В.П. Астафьева. Полемика с оппонентами из-за переписки с Н.Я. Эйдельманом [1] и рассказа «Ловля пескаррей в Грузии» [7], конфликт с главным редактором «Нашего современника» С.Ю. Куняевым [22], публичные оскорбления не могли оставить писателя равнодушным и во многом послужили причиной трагичности его мировоззрения последних лет жизни. Вместе с тем в 1990-е годы Астафьев проявляет к религии особое внимание, что отражается в его публицистике. Отличительной чертой его религиозных исканий данного периода становится убеждение в том, что настоящий талант даётся только от Бога, и что, если бы не культура, благодаря которой посланники Творца внедряют его идеи на земле, человечество уже давно уничтожило бы само себя. Данная тема развивается в таких статьях писателя, как «Сгорит Божественная скрипка» [14], «Лес не шумит, лес стонет» [6], «Сквозь февраль» [15], «Дорога домой» [3].

В 1997 г. Астафьев в 13-том томе собрания сочинений публикует произведение «Из тихого света.

Попытка исповеди» [5], которое отражает практически все особенности творчества писателя, особенно ярко проявившиеся на его последнем этапе. В нём очевидно желание автора обрести смирение, отказаться от ветхозаветного «око за око», не вызывает сомнения его тяга к христианству, проявившаяся в центральном образе Света как воплощении и доказательстве бытия Бога. Астафьев приходит к выводу, что зло порождает зло, и, чтобы погасить зло в людях, надо прежде всего самому погасить его в себе. Но вместе с тем в произведении присутствуют элементы богоборчества, отторжение идеи смирения. Очевидно, в попытке исповеди и противопоставление разных миров. Отвергая мир, в котором он живёт, как исполненный зла, автор, понимая, что на Земле гармонии никогда не будет, обращается за помощью не к христианской вере, а к своей памяти, которая рисует ему идиллии из прошлых жизней, и в воспоминаниях о них он пытается обрести гармонию. Несомненно, что Астафьев верит в Бога как в некое творящее начало, но загробную жизнь он пытается объяснить не с христианских позиций, а, скорее, со своей собственной, субъективной точки зрения, и этим в чём-то повторяет путь столь любимого им писателя Л. Н. Толстого.

Противоречивость религиозных исканий Астафьева отражают и его «Затеси», написанные в 1990-е годы (см. об этом подробнее: [19]). Многие затеси начала 90-х [4] отражают ярко выраженный религиозный поиск автора, его тяготение к христианской вере («Божий промысел», «Достойный ответ», «Блажь», «Раздумья в небе»). Теме испытаний посвящена затесь «Эх, судьба-судбина», в которой Астафьев описывает тяжёлые судьбы нескольких людей, сумевших достойно пройти выпавшее им свыше испытание, и утверждает необходимость веры для людей в тяжёлые периоды жизни. Особое место в затесях начала 90-х занимают миниатюры, посвящённые теме Божьей кары, в которых доминируют богоборческие мотивы. К ним можно отнести затесь «За что?» и «Две подружки в хлебах заблудились».

Богоборческие мотивы можно обнаружить и в произведениях писателя 2000–2001 гг. Так, в рассказе «Пролётный гусь» [13], давшем название последнему прижизненному сборнику Астафьева, доминирует мотив разочарованности и безнадёжности. Исследователь Е. И. Петрова находит в данном

рассказе также и мотив отчуждения: «внешнее» отчуждение героев рассказа, связанное с их одиночеством, и «внутреннее», связанное с духовным отдалением людей, в условиях которого герои погибли, [25]. В рассказе очевидно преломление тем и идей военного романа и военных повестей 90-х, но если в более ранних произведениях («Так хочется жить», «Весёлый солдат») всё-таки ощущалась надежда, то в рассказе «Пролётный гусь», повествуя о погибшей семье, автор никакой надежды читателю не оставляет. Известно, что гуси не могут жить в одиночку, поэтому герои, лишённые родных людей, не нужные своей родине, оказываются подобными пролётным гусям, отбившимся от стаи, и погибают. Очень значимой является последняя фраза рассказа: «Шёл одна тысяча девятьсот сорок девятый год» [13, с. 66]. Этим писатель подчёркивает, что прошедшие четыре послевоенных года были столь же безжалостны, как и четыре года войны. Таким образом, в рассказе развивается тема войны государства со своими гражданами, защитниками. Семья Данилы в этой войне терпит поражение. Марина, решив покончить жизнь самоубийством, надеется лишь на то, что ей будет лучше в загробном мире. В возможность счастья на земле она не верит, как, вероятно, не верит и сам автор. Отсюда столь трагическая тональность произведения.

Однако в рассказе «Пионер всем пример» [11], также опубликованном в сборнике «Пролётный гусь», трагизм сглаживается мотивом веры в Бога и надежды на него. Описывая пребывание в лагере главного героя Антона Дроздова, писатель подчёркивает, что именно вера в Бога помогла ему, попу Никодиму, а также другим заключённым, которых Никодим тайно крестил, достойно пережить годы тюрьмы. Понимая, что жизнь вокруг очень сложная, и в ней много зла, герой все же борется за своё существование, пытается завести семью, и в этом ему помогает вера в Бога. Встреча с депутатом, который, ещё будучи пионером, сжёг деревню, является для героя показательной в плане того, какие люди находятся у власти. Не случайно именно после этой встречи он решает поехать вместе с женой к попу Никодиму и попросить у него благословение. Понимая, что искоренить все зло в мире невозможно, герой едет за успокоением к священнику, обращается к Богу. Очевидно, что отказавшийся от возмездия

и вступивший на путь веры герой сможет много достигнуть в жизни. Данный сюжетный поворот свидетельствует о том, что на исходе жизненного пути писатель во многом отказался от возмездия, сделал первые шаги на пути к смирению и продолжал надеяться на Бога.

Надежду на Бога отражают и последние затеси писателя, вошедшие в тетради «Просверки» и «Кетский сон». В последних затесях писатель признает свою веру в Бога, выражает благодарность Богу за жизнь, им подаренную. Данные идеи наиболее полно отражаются в затесях «Будем ждать и надеяться», «Всезная», «На сон грядущий», «Над древним покоем». Однако в последних произведениях Астафьева христианское миропонимание отражено в далеко не ортодоксальном смысле: нет идеи всепримирения и всепрощения. Уход в мир родной сибирской природы, в воспоминания о светлых моментах детства воспринимаются как панацея от злого чуждого социального мира.

Очевидно, что у писателя проявилась болезненная раздвоенность между идеальным гармоничным миром, наполненным любовью, в котором он какое-то время пребывал в детстве, быстро потерял, но всю жизнь пытался вернуть (главы «Вечерние раздумья», «Пеструха» из цикла «Последний поклон»), и миром, исполненным зла и несправедливости, который он всю жизнь пытался исправить в своих художественных произведениях, где возмездие получали отрицательные герои и справедливость торжествовала, а также через собственную борьбу с оппонентами и недоброжелателями посредством публичного слова. Именно об этом свидетельствует так поразившая многих эпитафия В.П. Астафьева: «Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злого, порочного. Мне нечего сказать вам на прощание» [17, с. 134].

Многие исследователи пытались расшифровать смысл этой трагической эпитафии. Литературовед В.А. Зубков [20] и петербургский писатель М.Н. Кураев [23] под родным миром В.П. Астафьева понимали крестьянский деревенский уклад, близкий писателю с детства, и связывали трагичность его мироощущения с тем, что деревенский мир распался, начал вытесняться городским, цивилизованным, а вместе с ним ушли и нравственные основы крестьянской жизни. На наш взгляд, данная проблема имеет более

глубокие мировоззренческие корни. Мир добрый, по концепции В.П. Астафьева, это мир, наполненный любовью и лишённый зла. Он существовал лишь в воображении писателя, его не могло быть на земле. Для христианина подобного противоречия не существует. Он понимает, что земной мир лишён гармонии, и живёт ради гармонии небесной. Данная концепция обосновывается в учениях святых отцов православной церкви, утверждающих, что земная жизнь есть лишь подготовка к жизни вечной, и поэтому она не должна быть счастливой и лишённой трудностей: «Изгнанники рая, не для увеселения, не для торжества, не для играний мы находимся на земле, но для того, чтобы верой, покаянием и крестом убить убившую нас смерть и возвратить себе утраченный рай» (Святитель Игнатий Брянчанинов) [25, с. 229]; «Бог для того и сделал настоящую жизнь нашу исполненной труда, чтобы избавить нас от рабства страстям и привести к полной свободе» (Святитель Иоанн Златоуст) [26, с. 228]; «Не в том цель нашей жизни, чтобы счастливо прожить на земле, а в том, чтобы счастливы мы или несчастливы, тем и другим приготовиться к получению вечного блаженства в другой жизни» (Святитель Феофан Затворник) [там же, с. 229]. В.П. Астафьев так и не смог по-христиански смириться с обилием зла в мире – отсюда его неприятие мира злого, порочного.

В.Я. Курбатов не верил в то, что эпитафия была последним из написанного В.П. Астафьевым. Он утверждал, что после инсульта рука плохо слушалась Виктора Петровича, а в эпитафии почерк был привычен. В доказательство своей гипотезы В.Я. Курбатов упоминает последнюю затесь писателя «Над вечным покоем», где утверждается любовь к жизни: «И там, перед вечным вопросом, который всегда задает человеку кладбище, особенно когда человек сам подходит к последнему порогу, он говорит, что “жизнь прекрасна и печальна” и что об этой радости и печали он не перестает думать, пока живет и дышит» [21, с. 484–485].

Действительно, тональность эпитафии очень созвучна тональности рассказа «Пролётный гусь» и во многом отвергает светлые идеи рассказа «Пионер всем пример» и последних затесей. Возможно, эпитафия не была последним из того, что написал Астафьев, но она, несомненно, наиболее ярко отразила то противоречие, которое было

свойственно религиозному поиску В.П. Астафьева в последние годы жизни. Писатель не смог до конца поверить в Бога и принять мир, им созданный, но, несомненно, он шёл к вере, надеялся на Бога, о чём свидетельствует и «Молитва за русский народ» [8], которую он всегда носил с собой. Астафьев никогда не был и не стал христианином в ортодоксальном смысле этого слова. Ему было ближе ветхозаветное мировоззрение: он верил в Бога-творца и видел его карающим. Элементы пантеистической философии также сохраняются в художественном мире писателя, что подтверждают его последние затеси, посвящённые природе, а также прощальное слово, в котором он, говоря о своей смерти, не вспоминает Бога, а утверждает, что уйдёт назад к природе, его сотворившей, и сольётся с ней.

Тем не менее, делая вывод о незавершённости христианской эволюции авторского сознания, нельзя ставить под сомнение ценность художественного опыта писателя. В.П. Астафьев сам признавал, что так и не смог до конца поверить в Бога: «Как жалко, что лишённый веры в Бога я уже не смог её вернуть себе до конца, безверие много наделало и ещё наделает бед нашему народу» [9, с. 721]. Однако осмысление жизни для писателя всегда было неразрывно связано с категориями, которые являются основополагающими в христианской религии: созидания, покаяния, милосердия, совести: «Но для меня всегда был и остается один непоколебимый Бог и вера в него – совесть. Как мне хотелось, чтоб все люди нашей Земли жили бы по совести, под вечным солнцем, и свет любви и согласия никогда для них не угасал» [там же]. Не приняв до конца православной Церкви, религиозных обрядов, но ощущая Бога посредством совести, В.П. Астафьев оказался духовно близок к истинному религиозному миропониманию.

Своим творчеством В.П. Астафьев пытался сделать мир лучше, призывал людей к созиданию. Основную задачу своих последних произведений он видел в том, чтобы предотвратить новую войну. Писатель чутко реагировал на все социальные обострения, умел метафизически прозревать события.

В 1990-е годы В.П. Астафьев писал о проблемах Украины, которые не были решены тогда и вылились в то, что происходит в этой стране сегодня: «С Украины нет-нет да и получу весточку, недоумённую и горькую. Есть у меня подшефный колхоз “Зирка”

в Харьковской области, в Богодуховском районе, так вот, колхозники больше всего горюют и недоумевают по поводу такого злобного отчуждения и совсем ему не радуются, даже наоборот, боятся будущего, готовы Бога молить за мир и согласие, за “життя по-русски, по-соседски”. Но кому-то на Украине не дает покоя гетманская булава, и ради нее готовы даже на кровопролитие. <...> Ах, как горько! Как безысходно на душе. Разве к свободе так ходят? Разве не объявлял Господь всех людей братьями?» (письмо Н. Негоде от 2 января 1992 г.) [9, с. 503].

Актуальным на сегодняшний день является и письмо В.П. Астафьева софронтовикам от 3 февраля 1997 г.: «Я глубоко вам сочувствую, что на старости лет пришлось тащиться за океан и доживать век на чужой, пусть и благодатной стороне. И все хорошо вы сделали, что уехали из Западной Украины – национализм и хохляцкое чванство за это время приняли еще более широкие и наглые формы, за эти последние годы по всей Украине идет гонение и проклятие москалей, а уж евреев тем более. Причем не берется во внимание, что в России не происходит отторжения и украинцы как жили равными со всеми гражданами, так и живут, а ведь Сибирь и Дальний Восток давно массово охохлячены, еще с давних времен, и если б здесь началось что-то подобное «гуцульскому варианту», так сколько бы горя, а может, и крови было бы... И Кравчук – советский комиссар, и Кучма пытаются быть хитрее всех, как им кажется, умело разыгрывают национальную карту. Но это уже привело к разделению Украины на Западную и Восточную, а жизнь не улучшается, и украинцам, которые так терпеливо искренне и долго желали самостоятельности, но не хохляцкого гонора и дури, все уже опостылело, и они рады бы жить с Россией по-братски и по-соседски, а не править бал в широких шароварах и при висячих усах. Жизнь оказалась куда серьезнее намерений, политических игр и парада с пустым брюхом и голой задницей» [9, с. 640].

Попытка сделать людей лучше, боль за судьбу мира, пророческие откровения – все это явилось следствием преломления в творчестве В.П. Астафьева крайне важной христианской традиции – традиции преображения читателя через произведение литературы. С точки зрения протоиерея Г. Митрофанова, «на протяжении практически всего XIX века

русская литература уповала на то, что она способна преобразовать мир, преобразовать людей. По существу, многие русские писатели ставили перед литературой чисто религиозные задачи. Это была ошибка русской литературы. И все-таки было в этой ошибке нечто, что её во многом искупало, – поразительное чувство нравственной ответственности писателя за то, как отзывается его творчество в сердцах всех людей. Стремление преобразить этот мир и человека в этом мире теми средствами, которые Господь дает писателю, в частности, посредством литературного таланта» [26]. В.П. Астафьев, по мнению Г. Митрофанова, оказался типичным русским писателем, так как высоким духовным настроением своего творчества заставил «задуматься над тем, а не возможно ли нам именно в силу глубокого и искреннего понимания тех многочисленных исторических падений, через которые прошел русский народ в XX веке, возродиться к жизни. Не хочу сказать “к новой жизни”, а к той традиционной русской жизни, в которой

Христос, в которой вера во Христа определяли все важнейшие духовные ориентиры, духовные ориентиры целого поколения» [24].

Религиозный поиск В.П. Астафьева, запечатлённый на последнем этапе его творчества, отразил основные этапы духовного пути, свойственного любому человеку. Незавершённость религиозной эволюции писателя ни в коей мере не предполагает его осуждения. Многие идеи произведений В.П. Астафьева, в частности, о противоестественности войны нормальной человеческой жизни, как никогда актуальны на сегодняшний день. Несмотря на то, что писатель так и не принял православную Церковь и не поверил в Бога окончательно, преломление христианских традиций в его произведениях, отстаивание вечных жизненных ценностей свидетельствует о том, что своим творчеством В.П. Астафьев пытался вести людей к Богу, а значит, с честью выполнил Божью миссию на Земле.

ЛИТЕРАТУРА

- 1/ Азадовский К.М. Переписка из двух углов империи // Вопросы литературы. 2003, № 5. С. 3–33.
- 2/ Астафьев В.П. Весёлый солдат // Астафьев В.П. Весёлый солдат: повести. Иркутск: Частный предприниматель Сапронов Г.К., 1999. С. 375–518.
- 3/ Астафьев В.П. Дорога домой («Комсомольская правда». Беседа с Евгением Черных) // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12. Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 570–579.
- 4/ Астафьев В.П. Затеси. Красноярск: РГ «Вся Сибирь», Красноярское книжное издательство, 2003. 688 с.
- 5/ Астафьев В.П. Из тихого света. Попытка исповеди // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 13. Варианты. Отрывки. Пьесы. Киносценарии. Из тихого света. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 707–728.
- 6/ Астафьев В.П. Лес не шумит, лес стонет. Из незаконченной статьи // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12. Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 44–48.
- 7/ Астафьев В.П. Ловля пескарей в Грузии. Рассказ без сокращений и с послесловием // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 13. Варианты. Отрывки. Пьесы. Киносценарии. Из тихого света. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 252–336.
- 8/ Астафьев В.П. Молитва о хлебе. Из романа «Прокляты и убиты» // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 13. Варианты. Отрывки. Пьесы. Киносценарии. Из тихого света. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 479–480.
- 9/ Астафьев В.П. Нет мне ответа. Эпистолярный дневник 1952–2001, Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 752 с.
- 10/ Астафьев В.П. Обертон // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11. Повести, рассказы разных лет. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 197–280.
- 11/ Астафьев В.П. Пионер – всем пример // Астафьев В.П. Пролетный гусь: Рассказы, затеси, воспоминания. Иркутск, ИП Сапронов Г.К., 2001. С. 85–136.
- 12/ Астафьев В.П. Последний поклон: Повесть.

В 2-х т. Т. 2. Красноярск: Издательство «Благовест», Производственно-издательский комбинат «Офсет», 1994. 432 с.

13/ Астафьев В.П. Пролётный гусь // Астафьев В.П. Пролётный гусь: Рассказы, затеси, воспоминания. Иркутск, ИП Сапронов Г.К., 2001. С. 7–66.

14/ Астафьев В.П. Сгорит божественная скрипка. Два письма-ответа на вопросы корреспондента журнала «Российская провинция» // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12. Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 94–100.

15/ Астафьев В.П. Сквозь февраль (журнал «Российская провинция») // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12. Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 101–109.

16/ Астафьев В.П. Так хочется жить // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11. Повести, рассказы разных лет. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 5–196.

17/ Астафьев В.П. Эпитафия // Первые Астафьевские чтения в г. Красноярск: Материалы Всероссийской конференции 28–29 апреля 2004 г. Выпуск 1. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 34–35.

18/ Гончаров П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–1990-х годов. М.: Высшая школа, 2003. 386 с.

19/ Золотухина О.Ю. Религиозная проблематика затесей В.П. Астафьева 1990-х годов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021, № 10 (163). С. 237–243.

20/ Зубков В.А. Прощание: народная Россия в позднем творчестве В.П. Астафьева // Астафьевские чтения. Выпуск третий (19–21 мая 2005 г.). Пермь: Издательство «Курсив», 2005. С. 131–137.

21/ Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России. Иркутск: Издатель Сапронов, 2002. 512 с.

22/ Куняев С.Ю. И пропал казак // Наш современник. 1999, № 8. С. 94–112.

23/ Кураев М.Н. Виктор Астафьев и конец крестьянской Руси // Астафьевские чтения. Выпуск третий (19–21 мая 2005 г.). Пермь: Издательство «Курсив», 2005. С. 72–78.

24/ Митрофанов Г. О романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты». URL: <https://www.grad-petrov.ru/broadcast/protoierej-georgij-mitrofanov-o-roma/> (дата обращения: 30.09.2022).

25/ Петрова Е.И. Мотив отчуждения в рассказе В.П. Астафьева «Пролётный гусь» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015, № 9. С. 138–140.

26/ Энциклопедия православной веры от А до Я в изречениях святых Отцов. Клин: «Христианская жизнь», 2004. 671 с.

REFERENCES

1/ Azadovskij, K.M. (2003), "Correspondence from two corners of the Empire", *Voprosy literatury* [Questions of literature], no. 5. pp. 3–33. (in Russ.)

2/ Astaf'ev, V.P. (1999), "The Merry Soldier", *Astaf'ev V.P. Vesjolyj soldat: povesti* [Astafyev V.P. The Merry Soldier: Stories], *Chastnyj predprinimatel' Sapronov G.K.*, Irkutsk, pp. 375–518. (in Russ.)

3/ Astaf'ev, V.P. (1998), "The Road Home (Komsomolskaya Pravda. Conversation with Evgeny Chernykh)", *Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 12. Publicistika* [Collected works: In 15 vols. Vol. 12. Journalism.], *PIK "Ofset"*, Krasnoyarsk, pp. 570–579. (in Russ.)

4/ Astaf'ev, V.P. (2003), *Zatesi* [Zatesi], *RG "Vsja Sibir"*, Krasnojarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Krasnoyarsk, 688 p. (in Russ.)

5/ Astaf'ev, V.P. (1998), "From the quiet light. Attempt at confession", *Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 13. Varianty. Otryvki. P'esy. Kinoscenarii. Iz tihogu sveta* [Collected works: In 15 vols. Vol. 13. Variants. Excerpts. Plays. Screenplays. From the quiet light.], *PIK "Ofset"*, Krasnoyarsk, pp. 707–728. (in Russ.)

6/ Astaf'ev, V.P. (1998), "The forest does not make noise, the forest groans. From an unfinished article", *Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 12. Publicistika* [Collected works: In 15 vols. Vol. 12. Journalism.], *PIK "Ofset"*, Krasnoyarsk, pp. 44–48. (in Russ.)

7/ Astaf'ev, V.P. (1998), "Minnow fishing in Georgia. A story without abbreviations and with an afterword", *Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 13. Varianty. Otryvki. P'esy. Kinoscenarii. Iz tihogu sveta* [Collected works: In 15 vols. Vol. 13. Variants. Excerpts. Plays. Screenplays. From the quiet light.], *PIK "Ofset"*, Krasnoyarsk, pp. 252–336. (in Russ.)

8/ Astaf'ev, V.P. (1998), "Prayer for bread. From the novel "Cursed and Killed"", *Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 13. Varianty. Otryvki. P'esy. Kinoscenarii. Iz tihogu sveta* [Collected works: In 15 vols. Vol. 13. Variants. Excerpts. Plays. Screenplays. From the quiet light.], *PIK "Ofset"*, Krasnoyarsk, pp. 479–480. (in Russ.)

9/ Astaf'ev, V.P. (2009), *Net mne otveta. Jepistoljarnyj dnevnik 1952–2001* [There is no answer for me. Epistolary Diary 1952–2001], *Izdatel' Sapronov, Irkutsk*, 752 p. (in Russ.)

10/ Astaf'ev, V.P. (1997), "Overtone", *Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 11. Povesti, rasskazy raznyh let* [Collected works: In 15 vols. Vol. 11. Novellas, stories of different years], *PIK "Ofset"*, Krasnoyarsk, pp. 197–280. (in Russ.)

11/ Astaf'ev, V.P. (2001), "Pioneer is an example to everyone", *Astaf'ev V.P. Proletnyj gus': Rasskazy, zatesi, vospominaniya* [Astafyev V.P. The Flying goose: Stories, adventures, memories], *IP Sapronov G.K.*, Irkutsk, pp. 85–136. (in Russ.)

12/ Astaf'ev, V.P. (1994), *Poslednij poklon: Povest'* [The Last Bow: A Story], In 2 vols. Vol. 2. Izdatel'stvo "Blagovest", Proizvodstvenno-izdatel'skij kombinat "Ofset", Krasnoyarsk, 432 p. (in Russ.)

13/ Astaf'ev, V.P. (2001), "The Flying goose", Astaf'ev V.P. *Proletnyj gus': Rasskazy, zatesi, vospominaniya* [Astaf'ev V.P. The Flying goose: Stories, adventures, memories], IP Saponov G.K., Irkutsk, pp. 7–66. (in Russ.)

14/ Astaf'ev, V.P. (1998), "The divine violin will burn. Two letters-answers to the questions of the correspondent of the magazine "Russian Province"", *Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 12. Publicistika* [Collected works: In 15 vols. Vol. 12. Journalism], PIK "Ofset", Krasnoyarsk, pp. 94–100. (in Russ.)

15/ Astaf'ev, V.P. (1998), "Through February (Russian Province magazine)", *Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 12. Publicistika* [Collected works: In 15 vols. Vol. 12. Journalism], PIK "Ofset", Krasnoyarsk, pp. 101–109. (in Russ.)

16/ Astaf'ev, V.P. (1997), "So I want to live", *Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 11. Povesti, rasskazy raznyh let* [Collected works: In 15 vols. Vol. 11. Novellas, stories of different years], PIK "Ofset", Krasnoyarsk, pp. 5–196. (in Russ.)

17/ Astaf'ev, V.P. (2005), "Epitaph", *Pervye Astaf'evskie chteniya v g. Krasnojarske: Materialy Vserossijskoj konferencii 28–29 aprelja 2004 g.* [The first Astaf'ev readings in Krasnoyarsk: Materials of the All-Russian Conference on April 28–29, 2004], Issue 1. RIO GOU VPO KGPU im. V.P. Astaf'eva, Krasnoyarsk, pp. 34–35. (in Russ.)

18/ Goncharov, P.A. (2003), *Tvorchestvo V.P. Astaf'eva v kontekste russkoj prozy 1950–1990-h godov* [The work of V.P. Astaf'ev in the context of Russian Prose of the 1950s–1990s], *Vysshaja shkola*, Moscow, 386 p. (in Russ.)

19/ Zolotuhina, O.Ju. (2021), "Religious problems of V.P. Astaf'ev's Zatesis of the 1990s", *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 10 (163). pp. 237–243. (in Russ.)

20/ Zubkov, V.A. (2005), "Farewell: People's Russia in the late work of V.P. Astaf'ev", *Astaf'evskie chteniya. Vypusk*

tretij (19–21 maja 2005 g.) [Astaf'ev readings. Issue Three (May 19–21, 2005)], Izdatel'stvo "Kursiv", Perm, pp. 131–137. (in Russ.)

21/ (2002), *Krest beskonechnyj. V. Astaf'ev – V. Kurbatov: Pis'ma iz glubiny Rossii* [The Infinite Cross. V. Astaf'ev – V. Kurbatov: Letters from the depths of Russia], Izdatel' Saponov, Irkutsk, 512 p. (in Russ.)

22/ Kunjaev, C. Ju. (1999), "And the Cossack disappeared", *Our contemporary*, no. 8, pp. 94–112. (in Russ.)

23/ Kuraev, M.N. (2005), "Viktor Astaf'ev and the End of Peasant Russia", *Astaf'evskie chteniya. Vypusk tretij* (19–21 maja 2005 g.) [Astaf'ev readings. Issue Three (May 19–21, 2005)], Izdatel'stvo «Kursiv», Perm, pp. 72–78. (in Russ.)

24/ Mitrofanov, G. O romane V.P. Astaf'eva "Prokljaty i ubity" [About V.P. Astaf'ev's novel "Cursed and Killed"], Available at: <https://www.grad-petrov.ru/broadcast/protoierej-georgij-mitrofanov-o-roma/> (Accessed 30 September 2022). (in Russ.)

25/ Petrova, E.I. (2015), "The motive of alienation in V.P. Astaf'ev's story "The Flying goose"", *Actual problems of humanities and natural sciences*, no. 9, pp. 138–140. (in Russ.)

26/ (2004), *Jenciklopedija pravoslavnoj very ot A do Ja v izrechenijah svjatyh Otcov* [Encyclopedia of the Orthodox Faith from A to Z in the sayings of the Holy Fathers], «Hristianskaja zhizn'», Klin, 671 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Золотухина Олеся Юрьевна, доцент, кандидат филологических наук, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского
E-mail: zolotuhina-82@yandex.ru

Author information

Olesja Ju. Zolotuhina, Candidate of Philological Sciences, Docent, Dmitry Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts
E-mail: zolotuhina-82@yandex.ru